

Дан Берг

СНЫ

Первый сон Шломо

Человек всю жизнь видит сны. Пробудится на минуту, посмотрит вокруг себя осовелым взглядом и вновь погрузится в грезы. Мечта проникнуть в тайну снов с древних времен будоражила светлейшие умы человечества, да и поныне она живет в некоторых романтически устроенных сердцах.

Почему слова “тайна” и “сон” поставлены рядом и сцеплены меж собой? Возможно, оттого что до сих пор никому не удалось установить законы взаимного проникновения реалий и фантазий. И это, не смотря на блестящие прозрения библейских мудрецов-практиков и на глубокие изыскания современных мыслителей-теоретиков.

Главные персонажи этой повести поведают нам виденные ими сны. Читатель обнаружит свойство сновидческих фикций обладать известным суверенитетом и не зависеть от воли их автора. Это означает, что, во-первых, рожденные в одной голове, сны с легкостью переселяются в другую, а, во-вторых, претерпевают метаморфозы сообразно характеру своего нового созерцателя.

Наши герои обретаются в широко известном в литературных кругах украинском городе Божине, что стоит на берегу Днепра. Река и город замечательно украшают друг друга, питая глубокие эстетические чувства местных обитателей. Время действия – восемнадцатое столетие, век победоносного вторжения хасидского образа мыслей в головы тамошних иудеев.

Шломо – хасид средних лет, человек небедный, а, главное, образованный на западный манер. Он провел молодость в Европе, его кругозор широк, он владеет несколькими языками, знаком с новыми учеными веяниями, которые не в ладах с откровениями Святого Писания. Поэтому он обладает опаснейшей способностью сравнивать. Не удивительно, что в среде менее просвещенных единоверцев он пользуется заслуженным подозрением.

Большинство людей с давних времен упорно повторяют вслед за своим легендарным венценосцем, мол, умножая мудрость, умножаешь огорчения, а добавляя знания, увеличиваешь скорбь. Шломо же полагает, что упрек в чрезмерности лицемерен и просто-напросто скрывает зависть. Однако читателю предстоит убедиться, как излишнее вежество уводит и без того пессимистический дух Шломо в дебри вечного смятения и необъяснимой тревоги. Тем не менее, вопреки проблемной биографии и ущербному образованию, Шломо остается преданным хасидом, и он верен своему цадику раби Якову, о котором речь впереди.

Есть у Шломо замечательный товарищ, Шмулик его имя. Хоть Шмулик изрядно младше Шломо, однако дружба меж ними нерушимо крепка, ибо зиждется на родственности духа и равенстве разума. Шмулик обладает исключительной памятью на числа и незаурядной способностью манипулировать ими. Поэтому он процветает на счетоводческой службе у своего хозяина, человека щедрой души, но скупого на жалованье.

Характер у Шмулика неисправимо оптимистический. С детства и донныне он любил и любит глядеть на ночное небо и мечтать о полете на какую-нибудь звезду. Вместе с тем, романтичность нрава не помешала Шмулику найти спутницу жизни и порадовать свою добрую мать-старушку выводком внуков.

Преданностью хасидскому учению Шмулик ничуть не уступает своему старшему другу. Над умами и сердцами обоих возвышается величию истинного благочестия цадик раби Яков. Этот седобородый старик, хасид-ветеран Божина, по праву глубочайших познаний в Святых Книгах, пониманию человеческих душ и изумительному искусству сказочника, которым он радуется свою паству на исходе каждой субботы, уж много лет ведет за собой прямыми путями богоугодной праведности всю городскую хасидскую братию. Всем известно, что жизнь долга, если полна, и мерить ее надо деяниями, а не годами. И все же пожелаем раби Якову жить и править до ста двадцати!

Как-то встретились друзья за городом на берегу Днепра. Глубоко задумавшись, на обточенном водой и ветром гладком валуне восседал Шломо. На нем был надет и по-хасидски наглухо застегнут черный лапсердак, на голове красовалась широкополая шляпа в тон, из-под изящно закатанных штанин черных брюк открывались белые полчулки, а обутые в черные башмаки ступни ног неловко покоились на скосе камня у самой земли. На левое колено опирался локоть правой руки, а ее кисть внешней своей стороной поддерживала подбородок.

Шмулик возвращался со службы и легкомысленно напевал что-то вполголоса. Оба товарища искренне обрадовались встрече, Шломо вскочил на ноги, друзья обнялись, и четверти часа не прошло, как завязалась меж ними беседа, одна из тех нескончаемых бесед, на какую способны только украинские хасиды.

- Чем ты опечален сегодня? – спросил Шмулик, - гляди, какой чудесный день!

- Ты прав, мир прекрасен, а я вот углубился в собственные мысли и не заметил красоты дня. Может, оттого что ночь выдалась мятежной, - с грустью ответил Шломо.

- Не мог одолеть трудное место в Книге?

- Нет, Шмулик, минувшей ночью я, против обыкновения, не учил Писание, а спал. Да вот сон мне приснился тревожный и непонятный. Теперь размышляю о нем, а сердце томится и ждет чего-то плохого.

- Какое совпадение! Я тоже видел сон, но он не огорчил, а порадовал меня! Поведай свои грезы, Шломо. Матушка моя говорит, мол, если привидится дурное, и вслух расскажешь о нем кому-нибудь, то ничего худого не случится. А потом я развлеку нас обоих своими видениями.

- Наверное, права твоя матушка. Тоска в одиночку – двойная тоска.

- Рассказывай, Шломо!

- Слушай же, Шмулик. Известно тебе, что я много бывал в Европе. И вот приснилось мне, будто снова обуяла меня нестерпимая тоска по Западу, и задумал я ехать в чужие края, в далекую-далекую Англию.

- Так ведь ты тамошнего языка не знаешь!

- Не забывай, дружище, дело-то во сне происходило. А кроме того, на яву я благодетельствован Господом способностью быстро впитывать новые языки. Нечто вроде твоего таланта жонглировать цифрами.

- Извини, перебил. Продолжай, Шломо.

- Собрался, значит, я на край света, в Англию, и первым делом направился к раби Якову за советом – брать мне с собой жену Рут, или ехать одному.

- Вопрос не простой, - вновь вмешался Шмулик, - раби Яков непременно посоветует выбрать из двух зол меньшее.

- И вот направился я к дому нашего любимого цадика, но почему-то попал на берег Днепра. И вижу, раби Яков взобрался с ногами на большущий покрытый мхом камень и плачет навзрыд, словно ребенок или женщина.

- Твердый и мужественный человек, настоящий кремень – и вдруг плачет? Впрочем, это ведь сон! – заметил Шмулик.

- “О чем ты кручинишься, раби?” – переполошился я и бросился к учителю, приготовившись утешить его. “Я горюю о несчастной твоей судьбе, Шломо!” – едва выговорил цадик сквозь слезы. “Тебе известно что-нибудь плохое?” – спросил я с тревогой. “Да, да, да! – вскочив на ноги, вскричал раби и принялся рвать на себе волосы, и без того не слишком густые, - не уезжай в Европу, не то по возвращении свалится на тебя необратимое несчастье!”

- Какой эмоциональный старик! – вставил Шмулик.

- “Всё уже решено, дорогой учитель, да и поездка не принесет мне вреда!” – попытался я успокоить наставника. Тут, откуда ни возьмись, появилась Голда, жена раби Якова. “Одумайся, муженек, разве такими словами провожают человека в путь?” – вскричала она и решительно ухватила цадика за лацканы лапсердака, бесцеремонно и с неожиданной силой тряхнув супруга. “Шломо, что ты хотел узнать у Якова? Спрашивай у меня!” – воскликнула Голда.

- Не много ли на себя берет эта самая Голда? – возмутился Шмулик.

- Слушай дальше, друг, не перебивай. Ободренный, я сказал, что колеблюсь, брать ли мне с собою жену Рут. Услыхав это, раби Яков, рыдания которого сменились редкими всхлипываниями, вновь заголосил: “Не езжай один, возьми Рут! Знаешь ведь: была бы голова – вши заведутся! А женщина уберезет от соблазна!”

- Говорил же я, что наш цадик решит дилемму! – воскликнул Шмулик.

- Тут вновь вмешалась Голда. Возможно, она не согласна была с мужниным воззрением, мол, женщина бережет от соблазна. На моё удивление, Голда прокричала: “Езжай без жены, Шломо! Тебе уж немало лет, похолостякуй в последний раз!”

- И такое непотребство слетает с уст супруги цадика? – изумился Шмулик, - какие, право, странные сны тебе снятся, Шломо!

- Действительно, трудно поверить! Я подошел к раби и шепнул ему на ухо: “Поеду с супругой!” Потом подмигнул Голде и направился в сторону Европы. Но камень, на котором сидел раби Яков, пытался помешать мне. Он самостоятельно тронулся с места, покатился, встал у меня на дороге. Я сделаю шаг вправо – и он двинется вправо, я сделаю шаг влево – и он туда же. Тогда я перепрыгнул через него и побежал без оглядки. И через минуту-другую я уже находился в Англии.

Тут оба хасида смолкли. Шломо нуждался в коротком отдыхе, чтобы перевести дух. Шмулик обдумывал случившиеся с другом события, необычайные даже для сна. Наконец, Шмулик нетерпеливо дернул Шломо за рукав, потребовал продолжить занятное повествование.

- Расположились мы, я и Рут, на постоялом дворе в Лондоне – так столица у англичан называется, - вновь заговорил Шломо, - и довольно скоро я понял, как права была Голда, советуя мне отправляться в путь одному, без жены. Рут капризничала, всё ей не так, всё не по нраву. То одно, то другое.

- То пятое, то десятое, - дополнил Шмулик.

- Да ты не думай, дружище, в жизни моя Рут вовсе не такая – просто сон мне приснился дурацкий!

- Да я и не думаю, я всё понимаю. Однако же, не просто так, Шломо, ты решился ехать в такую даль, была, небось, у тебя практическая цель?

- Разумеется, была цель. Хотел познакомиться с тамошним царем, по ихнему королем. Задумал рассказать ему о нас, хасидах, о пользе кошерной пищи. Какая только ерунда не приснится!

- А по мне, так вовсе это не ерунда. Разве плохо за долгие века изгнания заполучить, наконец-то, лояльного к нашему иудейскому племени монарха?

- Оставим в стороне политику. Слушай дальше, Шмулик. В один из дней подъехал к постоялому двору экипаж. Вызвали меня. Я вышел и увидел богато одетого господина. Тот подвел красавца-коня и строго сказал: “Шломо, немедленно мчись во дворец. Король ожидает тебя!”

- Радуйся: воплощается задуманное тобою!

- Не торопись, Шмулик. Взобрался я на коня и понесся во дворец. А Рут споро бежит за мной, не отстает ни на аршин. Кричит: “Остановись, неразумный, иудеям не положено ездить верхом, да еще в чужой стране!” Вскоре супруга моя куда-то пропала, а я лечу себе по Лондону вперед и вперед в своей хасидской одежде. Встречные дамы и господа, жандармы и конюхи, кухарки и дворники, нищие и бездомные – все свистят и улюлюкают мне вслед. Доскакал я до ворот королевского дворца и увидел Рут – она бежала бегом и опередила меня. Погрозила кулаком и опять исчезла.

- Погрозила кулаком? Это плохая примета перед аудиенцией у короля!

- Всё пошло вкривь и вкось, Шмулик. Я проявил слабость и, усевшись за роскошный монарший стол, жадно набросился на некошерную пищу – где уж тут говорить о пользе кашрута! Королю не понравился мой наряд. Он посмеялся над хасидским учением и нашим цади́ком. Потом он познакомил меня с какой-то молодой важной дамой, которая, по его словам, составила из человеческих частей свирепого великана и вдохнула в него жизнь. “Где же он, этот лиходе́й?” – спросил я с опаской. “Он уехал из Англии в Божин, задумал какое-то зло!” – ответил мне дама. Тут все засмеялись, а я в страхе бросился наутек из дворца.

- Ты поспешил вернуться в Божин, чтобы предотвратить несчастье? – взволнованно спросил Шмулик.

- Разумеется! У ворот дворца стоял, бия о мостовую копытами, могучий конь. Рядом топталась Рут и с нетерпением ожидала меня. Я уселся в седло, посадил Рут впереди себя и обнял ее. Через четверо суток непрерывной и изнурительной скачки мы очутились на берегу Днепра, на том же самом месте, откуда меня провожали раби Яков и Голда.

- Слава Богу, вы дома!

- Я вновь увидел цади́ка с супругой. Примиренные, они печально смотрели на меня и на изможденную жену мою. “Где злодей-великан?” вскричали мы оба, я и Рут. “Он сделал свое черное дело и исчез!” – дружно ответили мне старики, и горечь проступила на лицах их.

- Какое же бедствие сотворило сие порождение недоброй фантазии заграничной дамы? – с трепетом спросил Шмулик.

- Не знаю, - ответил Шломо, - из сна мне не ясно, а спросить не у кого – засмеют. Но только на месте того валуна, на котором сидел и плакал раби Яков, я увидел во сне гору песка, и сейчас, на яву, я нашел там все ту же кучу – должно быть, великан стер камень в песок. И теперь тревога грызет меня, и я жду худого, сам не ведаю чего.

Первый сон Шмулика

Шломо закончил свой грустный рассказ и взглянул товарищу в глаза. Взгляд Шмулика излучал печаль и сочувствие. Он сопереживал, приняв на себя долю тревоги и душевной боли пострадавшего во сне друга.

Шмулик взял Шломо под руку и, взволнованные, оба хасида стали прохаживаться вдоль берега реки. Молчали. Первым заговорил Шломо.

- Ты знаешь, Шмулик, если вдуматься, то ведь мой сон, как ни толкуй его, ничего реально опасного не предвещает. Следуя здравому смыслу, я должен постараться поскорей забыть перипетии моих ночных видений и изгнать из сердца пустейшую смуту. Да вот только какая-то неведомая сила во мне мешает унять душевный трепет. Что бы это значило, дружище?

- Может быть, Шломо, ты просто мнителен?

- Я точно мнителен! Как-то раз, в бытность мою на Западе, я почувствовал себя худо – страшная тоска одолевала меня. Лекарь добросовестно обстукал и общупал меня всего, припал ухом к груди, заставил показать язык, внимательно выслушал жалобы. Затем огласил свой вердикт, дескать, внутри меня разлилась черная желчь, знак меланхолии. Для скорейшего исцеления рекомендовал прогулки на воздухе, сокращение мясного рациона и полноценный

ночной сон. И добавил, что если я не последую его советам, а буду продолжать прислушиваться ко всякому шороху в теле, то со мной случится ипохондрия.

- Неужели? Как ужасно! А что это за болезнь, Шломо?

- Я не знаю, Шмулик.

- Спросим у раби Якова. Однако мне кажется, что нам, жизнелюбивым и неунывающим хасидам, такая хворь не грозит.

- Я на это надеюсь. Хватит говорить о страхах и бедах. Только начнешь думать о своем здоровье – сразу признаешь себя больным. Ты, вроде бы, тоже видел сон, и очень приятный. Обещал рассказать и позабавить нас обоих, не так ли?

- Расскажу с радостью! – оживился Шмулик.

- Итак, я начинаю. Ты ведь знаешь, Шломо, о моей ночной страсти?

- Шмулик, выражайся, пожалуйста, яснее! Что ты имеешь в виду? – спросил Шломо, с подозрением взглянув на собеседника.

- Ах, прости, друг, мне действительно не всегда удается с первой попытки облечь свои мысли в релевантные выражения. Ты ведь ничего худого не подумал, правда? – покраснев, спросил Шмулик.

- Разумеется, я не думал о неподобающих подлинному хасиду вещах. Замечу, что слово “релевантный” изумительно украшает твой лексикон, богатством своим приближающийся к моему.

- О, я польщен! – промолвил Шмулик, раскрасневшись на сей раз от доставленного похвалой удовольствия.

- Я, кажется, увел тебя в сторону, продолжай рассказ.

- Есть у меня слабость, которую я необдуманно назвал страстью: я выхожу по ночам из дома и гляжу в подзорную трубу на звезды, слежу за их движением по небосводу, замечаю взаимное сближение и отдаление мерцающих светлых пятнышек на черном бархате, наблюдаю сияние далеких миров и мечтаю, мечтаю, мечтаю! Лишает меня сна один чудовищный факт: люди земли не знают, как выглядят звезды вблизи!

- Я догадываюсь о предмете твоих мечтаний – ты мыслишь себя великим открывателем, грезишь улететь на звезду и вернуться оттуда с трофеем неведомого нам добра, стойкого против ржавчины земного зла. Говорят, Шмулик, если человек думает днем о быках, то ночью ему снятся одни только быки. Тебе приснился полет в иной мир, лучший нашего. Я прав?

- Ты абсолютно прав, друг! Расскажу всё по порядку. Привиделось мне, будто бы хозяин, у которого я служу, наградил меня новой подзорной трубой особой силы. Через нее звезды видны крупно и отчетливо.

- Позволь, Шмулик, ты, кажется, жаловался на скупость своего нанимателя, и вдруг такая щедрость?

- Так ведь это сон, Шломо!

- Верно. Вот и выходит: наяву ненастье, а во сне счастье!

- Пожалованием оптического чуда не ограничился неожиданно тороватый благодетель мой. Он вручил мне особую грамоту. На одной стороне говорилось, что я награждаюсь освобождением от службы на один день, а на обороте документа разъяснено было, как, пользуясь дарственной подзорной трубой, улететь на звезду.

- Экая ерунда, однако! – усмехнулся Шломо, - как такое возможно? Не иначе, забравшись вовнутрь, и, увлекаемый неведомой силой, вылетишь из трубы к звездам?

- Что наяву небыль, то во сне – быль. Вот ведь знаешь ты наверняка и не сомневаешься в том, что с приходом Спасителя, похороненные за пределами Святой земли иудеи перекачатся по подземным расселинам в Иерусалим, дабы восстать там из мертвых. В этом ты уверен, а сну моему не доверяешь? Не щеголай маловерием, Шломо, а слушай дальше.

- Извини, не хотел тебе помешать.

- Всю ночь накануне отпускного дня я не сомкнул глаз: глядел в окуляр подаренной подзорной трубы, выискивая на небосводе подходящую звезду. К рассвету я сделал выбор, и, бодрый и счастливый, стал собираться в полет.

- Ты намеревался совершить тайный вояж, приготовив всем нам сюрприз по возвращении?

- Никаких тайн! Я прям и бесхитростен. Меня провожали мать, жена и детишки.

- Наверное, женщины от горя рыдали в голос, а малолетки испуганно жались к тебе?

- Ничего подобного, Шломо! Женщины утирали слезы счастья, радуясь моему успеху, а прелестные детки повели вокруг меня праздничный хоровод с веселыми песнями и бескомпромиссными требованиями подарков.

- Да-а-а... Англия, не в пример звезде, куда как ближе к Божину, однако прощание с близкими не порадовало меня, было безрадостным и тревожным. Завидую тебе, Шмулик! – грустно сказал Шломо.

- И вот я уже в другом мире! – продолжил Шмулик.

- Навстречу тебе вышли люди звезды?

- Представь себе, Шломо, что первые существа, которых я увидел – были раби Яков и Голда!

- Как же они там оказались? Чудеса, да и только! – удивился Шломо.

- Во сне не бывает чудес, а только истинная правда царит в голове спящего! “С прибытием!” – промолвил раби Яков, торжественно пожал мне руку и дружески похлопал по плечу. “Поешь-ка горячего мясного бульона со свежей булкой!” – воскликнула Голда, протягивая мне серебряный поднос. В большущей миске дымилось подернутое желтым жиром варево, виднелись контуры доброй половины курицы. Рядом источала аромат свежей выпечки белая булка. Голодный, я с жадностью поглотил завтрак. Оглянулся – а раби Якова и Голды след простыл!

- Ничего удивительного: грезили-то мы с тобой одновременно. Раби Якову и Голде надо было в мой сон поспеть, - догадался Шломо.

- Сытно поевши, я принялся размышлять – с чего бы начать изучение звезды? Времени мне было отпущено мало, а узнать хотелось много. Я подумал, что хозяин мой не вполне бескорыстно отправил меня на небеса. Наверное, хотел узнать с моей помощью, как ведется счетоводство в другом мире. Это и мне интересно. Вот я и направился в заведение, приблизительно подобное тому, на котором служу на земле.

- Как быстро все у тебя происходит! – заметил Шломо.

- Поневоле приходилось поторапливаться – отпуск от службы короткий, и к вечеру надо возвращаться. Захожу, значит, я в большое светлое здание. Кругом прилавки, на них разложены всякие товары, покупатели разглядывают и ощупывают свои будущие приобретения, приказчики вокруг суетятся. Все улыбаются – и те, кто покупает, и те, кто уходит без покупки. “Я с земли явился, хочу говорить с вашим хозяином” – сказал я старшему приказчику. Тот отвел меня наверх в контору.

- Выходит, выстроены на звезде большие торговые дома, не похожие на наши убогие лавки! – отметил Шломо.

- Верно, - подтвердил Шмулик, - однако, пока я наблюдал за торговлей, всё виденное мною было хоть и не таким, как у нас на земле, но узнаваемым. А вот на вопрос о счетоводстве хозяин ответил не сразу – не мог взять в толк, чего я добиваюсь от него. Наконец, мы поняли друг друга. Оказывается, на звезде нет денег, товар бесплатный, бери не хочу! Стало быть, и счетоводство там не требуется!

- Значит, таланту твоему нет применения в далеком далеке?

- Вот и я так же подумал и огорчился сперва – получается, что на звезде остался бы я не у дел. Сказал об этом хозяину, а он рассмеялся в ответ, мол, с моей феноменальной памятью можно держать в голове свойства огромного множества товаров и быстро стать лучшим приказчиком! Такое положение вещей меня успокоило.

- Какие, однако, честные люди на звезде, - сказал Шломо, - обходятся без денег! Стало быть, нет у них причин ни воровать, ни завидовать, ни зло друг другу творить. Где не царят деньги, там законы правят.

- Абсолютно верно, Шломо. Как мы далеки от совершенства! Даже лучшим людям земли, то бишь нам, божинским хасидам, не доступно сие! Расскажу об этом раби Якову, наверное, он взгрустнет.

- А не скучна ли жизнь у беспорочных? – задался вопросом Шломо.

- Я видел довольство и улыбки на физиономиях, - попытался ответить Шмулик, - хотя, кто знает, способна ли праведность истребить лицемерие?

- Рассказывай дальше, Шмулик, что еще ты узнал от тамошнего хозяина?

- Сказал я ему, что хочу привезти подарки жителям земли. Лучший презент, как известно – это камень. Большие гладкие валуны украсят берег Днепра, пара обтесанных гранитных глыб по обеим сторонам входа в синагогу напомнит хасидам о Храме, а драгоценные блестящие цацки порадуют женщин. Хозяин щедро выбрал для меня представителей всех родов каменного

племени. Я рассыпался в благодарностях, но честно признался, что мне такую тяжесть не под силу захватить с собой.

- И тогда чуткий хозяин убавил от даров? – поинтересовался Шломо, лукаво ухмыляясь.

- На сей раз, ты не угадал! – воскликнул Шмулик и поведал другу услышанное от хозяина торгового дома старинное предание. “Давным-давно жила на звезде сочинительница былей. Она изобрела в своем воображении гигантское существо, вдохнула в него жизнь и научила добрым делам. Давно уж нет в живых славной придумщицы, но воплощенное в плоть и кровь творение ее фантазии по-прежнему здравствует и личным примером научает нас любить пришельцев, ибо сами мы были пришельцами на этой звезде”. Доведя до моего сведения этот эпизод тамошней истории, - продолжил Шмулик, - хозяин заверил меня, что я, как гость, смело могу рассчитывать на помощь благородного гиганта.

- Полагаю, разговор с хозяином торгового дома происходил незадолго до твоего возвращения на землю. Небось, не хотелось так скоро расставаться с приятными людьми звезды?

- Разумеется, Шломо! Однако краткий мой отпуск подходил к концу, пора было отправляться домой. Что поделаешь? Празднику радуйся, а будень помни!

- И каким же макаром ты собирался лететь на землю? На звезде же не было чудодейственной подзорной трубы!

- Право, Шломо, - воскликнул Шмулик, теряя терпение, - разве спрашивал я тебя, как ты в своем сне умудрился из Англии до Божина всего за четверо суток не коне доскакать? Да еще и через море переправиться!

- А ты, однако, с географий дружишь!

- Европейская карта – пустяк для меня. Я небесную географическую науку превзошел!

- Продолжай, дружище! Пошутил я, пошутил!

- Расцеловался я на прощание с хозяином торгового дома, вышел за ворота и гляжу – вот он, берег Днепра! Солнце еще не зашло за горизонт, значит, не опоздал. И тут, словно гром поразил меня: подарки-то, даже самые легкие, остались на звезде! Но не успел я по-настоящему упасть духом, как увидал – бегут мне навстречу мать, жена и детки. Радуются, смеются, а в руках у них блестят красивейшие камушки. Неподалеку устроились на гладких валунах раби Яков и Голда. “Спасибо, Шмулик, - кричат мне старики, - благодаря тебе появилось у нас место, чтобы присесть и отдохнуть!”

- Откуда же камни взялись? – спросил Шломо, - хотя, как мне кажется, я начинаю догадываться!

- И тут, - продолжил Шмулик, - снова подал голос раби Яков: “Посетил нас великан, человек звезды, разбросал валуны по берегу, жителям Божина в дар, а всем женщинам – по самоцветам! Сказал, мол, Шмулика благодарите, и исчез”. Тут вижу, как мать, жена и Голда дружно подняли над головой обе руки, а в каждой сияет на закатном солнце драгоценный камень. “В серьги вправят!” – подумал я.

- Спасибо за сон, Шмулик. Приятно послушать, хоть и небылица.

- Я и сам рад был такой сон пересказать. Как говорится, добрый привет и кошке люб. Обещал ведь я потешить нас обоих!

Второй сон Шломо

Итак, изрядно приверженному меланхолии хасиду Шломо приснился отвратительный сон, который вверг своего созерцателя в пучину необъяснимой тревоги. В ту же самую ночь удостоился наименее приятнейшего сна его младший товарищ хасид Шмулик в духе свойственного ему оптимистического взгляда на вещи. Утром следующего дня Шломо и Шмулик пересказали друг другу свои видения и солидарно огорчились и радовались.

Читатель был выше уведомлен о существовании одного поразительного явления, которому ни хрупкая современная наука, ни даже фундаментальная хасидская мудрость пока не нашли удовлетворительного объяснения. Суть феномена состоит в том, что сновидения обладают известным суверенитетом в выборе своего зрителя. Иными словами, рожденный в одной голове, сон способен переселяться в другую без санкции своего породителя, претерпевая при этом метаморфозы сообразно нраву нового сновидца.

После того, как Шмулик выслушал содержание сна Шломо, и, в свою очередь, поведал свой сон другу, снотворящие отделы мозга каждого из них были в достаточной степени информированы для того, чтобы продемонстрировать действие непознанного доселе дива.

Наши пытливые герои задумались, а не попробовать ли испытать на себе, то бишь, на своих собственных грезах, удивительное свойство сновидений, дабы попытаться найти объяснение диковинному факту. “Кто знает, - промолвил Шломо, - может быть, суждено нам с тобой, дружище, отнять у природы еще одну тайну?” В словах друга Шмулику послышался отдаленный трубный звук славы. “Мы непременно осуществим эксперимент, - с готовностью поддержал он старшего товарища, - ведь не поднявшись на высокую гору, не узнаешь высоты неба!”

Меж друзьями решено было ближайшей же ночью посмотреть новые сны и встретиться на следующий день, чтобы пересказать друг другу фабулы ночных видений.

Назавтра повторилась картина минувшего дня: Шломо в позе мыслителя сидел у берега реки на излюбленном им камне, а навстречу ему поспешал Шмулик.

- Видел сон? – вместо приветствия нетерпеливо выпалил Шмулик.

- Конечно! А ты? – спросил Шломо.

- И я удостоился! Но тебе первому рассказывать!

- Не возражаю. Так вот, слушай, Шмулик. Засыпая, я чувствовал, как одолевает меня некое беспокойство, и оно давит на сердце и мешает дышать.

- Наверное, ты слишком плотно поел перед сном, - предположил Шмулик.

- Ах, если бы причина была столь невинна! Усталость дня сморила меня, и, не взирая на чинимые душевным смятением помехи, суэта реальности довольно скоро улетучилась из головы, уступив место достоверности грез. Иными словами, я погрузился в сон.

- И тогда небезобидное основание для беспокойства открылось тебе? – попросту спросил Шмулик, отметив про себя витиеватый слог товарища.

- Именно так. Я понял, что существуют две причины моего душевного смятения. Первая: недостаток в семье, которым Господь наделил меня, является предметом зависти многих наших хасидов. Вторая: мои энциклопедические знания вызывают беспокойство и даже подозрительность раби Якова.

- Надеюсь, меня ты не числишь среди своих завистников?

- Разумеется, нет! Ведь дружба есть дружба, а зависть есть зависть, и вместе им не идти, не так ли?

- Вполне возможно. Однако, Шломо, излагай далее перипетии грез.

- Хорошо, я продолжаю. По мере продвижения невеселого сна, я стал замечать, что в густом тумане тревоги забрезжил слабый свет спасительной искры. Мое нетерпение раздуло ее в огонек, а тот превратился в факел, который озарил мне путь к избавлению от тяжести на душе. В голову пришло простое решение: я должен на время покинуть Божин, заставить людей скучать обо мне, скрыться от повседневной приземленности бытия.

- Шломо, если понимать приземленность буквально, то тебе, как и мне в моем первом сне, приспичило улететь с земли к иному небесному телу!

- Тебе дано видеть самую суть дела, дорогой Шмулик! Представь себе, в туманном заточенье сна передо мной явился ты и нежным голосом произнес: “Я получил в дар от своего хозяина новую подзорную трубу, способную отправить человека на звезду. Лети вместо меня, тебе нужнее!”

- Как здорово! Твой сон рассеивает мои последние сомнения в несовместимости дружбы и зависти.

- Слушай дальше. Я, ошарашенный, принимаю твое великодушное предложение и начинаю готовиться к отлету. Я нахожусь на берегу Днепра. Предвкушение желанной новизны радует сердце. Но тут, откуда ни возьмись, передо мной вырастает фигура возлюбленной моей супруги Рут. В это же самое время я замечаю, как довольно быстро, насколько позволяют им старые ноги, приближаются ко мне раби Яков и Голда.

- Рут умоляет тебя взять ее с собой на звезду, а раби Яков и Голда благословляют своего любимца в дальний путь?

- Ах, если бы это было так, Шмулик! Не забывай: ведь это мой сон, а не твой сон! Рут, горько плача, умоляет меня остаться с нею на земле, а раби Яков и Голда отнюдь не благословляют в путь-дорогу, но страшат неизбежной, по их мнению, утратой праведности.

- Неподобающие проводы огорчили тебя, Шломо?

- Еще бы! Я почти пал духом, и только свет упомянутого факела поддержал мою решимость. Я заявил своим горе-проводятам, что мне необходимы, как воздух, новые ощущения, и полет я не отменю. Отчасти я утешил их сообщением, мол, покидаю землю всего на один день.

- Молодец, правильно сделал, что не уступил! А наградой тебе станет встреча с приятными во всех отношениях людьми звезды!

- Увы, увy, далее случившееся выглядело совершенно иначе! Должно быть, не на счастливую звезду я попал, да и сновидец я, как видно, не тот. Меня встретили люди со злыми лицами, пустыми глазами и недобрый оскалом улыбок. Головы у всех имели одинаково треугольную форму, но были по-разному ориентированы относительно тела: у одной половины обитателей звезды голова напоминала редьку хвостом вверх, а у другой – редьку хвостом вниз.

- Редька – овощ горький. Недобрый знак, худое начало, плохой предвестник, - глубокомысленно заметил Шмулик.

- То-то и оно, дорогой! Худшее ждало меня впереди. Как говорить, есть дыра – будет и прореха, - промолвил Шломо.

- Зря я раньше времени предсказал дурное, сожалею. Не горюй, Шломо. Не похвалился отъездом, похвалишься приездом!

- Ладно, не трать понапрасну слова утешения. Слушай дальше. С надеждой расположить к себе людей звезды, я поспешил сообщить, что объездил почти все страны земли, владею множеством языков, превзошел всяческие науки, знания мои о природе вещей основательны, а, главное, я праведный хасид.

- Уверен, после этих слов люди звезды выразили тебе свое восхищение и любовь!

- Нет, Шмулик. Последний пункт моей хвастливой речи остался непонятым – те люди никогда ничего не слышали ни о праведности, ни о хасидах. Ну а всё, что я сказал о своей образованности, вызвало у них отвращение, которое они, тем не менее, пытались скрыть. На их треугольных лицах мелькнуло выражение брезгливости, но они поспешили надеть маску гостеприимства.

- Какие, однако, обскуранты! Тебе не повезло, Шломо.

- Шмулик, трудно поверить тому, что я услышал в ответ на свой автопанегирик. Люди звезды заявили, что образованность – самое низменное, самое недостойное, по их мнению, свойство ума. У них не принято учить детей наукам, а взрослые избегают приобретать жизненный опыт и стараются как можно скорее выбросить из головы невольно полученные знания. В большом почете невежество и безграмотность. Эти два достоинства являются критериями общественного признания и служебного продвижения.

- Я огорчен, Шломо. Предложив тебе полет, первоначально предназначенный для меня, я невольно чувствую себя косвенно причастным к твоей неудаче. Боюсь, ты попал на звезду, состоящую из антиматерии.

- Что такое антиматерия, Шмулик?

- Я это знаю слишком приблизительно, лучше спросим у раби Якова, - ответил Шмулик.

- Да, цадик пояснит нам. А теперь обращаю твое внимание вот на какое обстоятельство. Есть на звезде один человек, который, в виде исключения, просвещен, но всеми уважаем – это король. Он, как и все простые обитатели звезды, никогда и ничему не учился. Ты задашь резонный вопрос: а каким таким чудесным образом он набрался знаний? Отвечу. Один из редькоголовых объяснил мне, что возникновение монаршего вежества на звезде происходит так же, как и наследование престола, то есть передачей от отца к сыну. Иными словами, отпрыск

короля мудр по праву рождения. К сожалению, мне никто не мог указать на источник разума самого первого короля.

- Подобный способ престолонаследия напоминает мне кое-что в хасидской среде, - задумчиво произнес Шмулик.

- Я тоже об этом подумал, - сказал Шломо, - однако, я не хочу говорить о грустном в реальности, с меня довольно печальных снов. Представь себе, дружище, в разгаре моей беседы с местным населением, из-за ствола могучего дерева выглянул раби Яков. Он сделал мне знак рукой, мол, подойди ко мне незаметно, я должен тебе сообщить нечто важное. Когда я предстал перед наставником, тот горячо зашептал: "Проси и требуй, чтобы тебя отвели к королю, он образованный, может, выведаешь у него важные для общины тайны!" Сказав это, цадик исчез.

- Я отмечаю выдающуюся способность раби Якова не оставлять на произвол судьбы своих даже спящих питомцев. И не только в Божине, но и в местах весьма удаленных! – с восхищением констатировал Шмулик.

- Ты отменно наблюдателен, - покровительственно похвалил Шломо младшего друга.

- Будет тебе! - смущенно произнес Шмулик и зарделся от удовольствия похвалы.

- Далее я последовал настоянию нашего раби и попросил о встрече с королем. Меня усадили в паланкин, и двое силачей спереди, а двое сзади, возложили шесты себе на плечи и доставили мою персону во дворец, прямо в тронный зал. Замечу, что жилище короля звезды выглядело убого, по сравнению с роскошными палатами английского властителя из моего предыдущего сна.

- Невежество подданных не способствует достатку правителя, - изрек Шмулик.

- Пожалуй. Что я могу сказать о короле? Он не походил на треугольногожителей звезды. Голова его была квадратной. Владыка принялся ласково расспрашивать меня о житье-бытье на земле. Отметил красоту Божина и величие Днепра. С почтением отозвался о раби Якове. Я растрогался: есть на звезде умные люди! Потом этот чуткий человек заинтересовался мною и моей семьей.

- Ты был с ним откровенен? – настороженно спросил Шмулик.

- Да, и пожалел об этом, - ответил Шломо, - ибо за показной добротой король скрывал злые намерения. Я пожаловался ему, мол, наяву меня часто посещает беспричинная тревога, а сны безрадостны и не приносят отдохновения душе. Правитель выразил сочувствие и обещал помочь. Для этого ему придется обратиться к записям его мудрых пращуров, знавших секреты приготовления целебных средств от упадка духа. "Лишь только из заветов предков узнаешь величие учености!" – заметил король.

- Я не забыл сообщить монарху, что самым приятным времяпрепровождением для меня являются минуты, когда я сижу на своем любимом валуне на берегу Днепра и размышляю. Тут венценосный собеседник мой возрадовался и посулил мне сюрприз, который будет ожидать меня по возвращении на землю.

- Нам, хасидам, абсолютно чуждо суеверие, но мы не бежим предчувствий, ибо, глядя назад, мы видим вперед. Вот и думаю я, как бы не причинил тебе вреда коронованный собеседник! – значительно произнес Шмулик.

- Король вежливо посмотрел на свои ручные часы, давая понять, что аудиенция закончена. Я ступил за ворота дворца. Никакого паланкина не увидел. “Буду добираться до земли своим ходом!” – подумал я. И тут некая сила подняла меня в воздух, и не успел я испугаться, как очутился в родных краях. Голубая лента Днепра висела предо мною. Вдали виднелись крыши Божина.

- Рыбам вода, птицам воздух, а человеку – край родимый! – заявил Шмулик.

- Огляделся я по сторонам. Вижу, стоит неподалеку Голда и грозит мне пальцем: дескать, хорошо, что прибыл вовремя, да ждет тебя огорчение. А тут прямо из пучины Днепра выходит Рут. Одежда прилипла к телу, мокрые волосы разбросаны по плечам, лицо бледное, глаза красные. Увидала она меня, подбежала, бросилась на шею и давай рыдать. Я, как могу, успокаиваю жену, мол, нечего плакать, вот я, вернулся, цел и невредим! А Рут захлебывается слезами и настойчиво кивает в сторону черного пятна на прибрежном песке. “Милый, - сквозь слезы едва проговорила она, - свалился с неба какой-то урод квадратноголовой, схватил твой любимый валун и умчался с ним ввысь! Теперь не на чем тебе сидеть и мыслить!”

- И тут ты проснулся, Шломо?

- Да, и тут я проснулся. Как видишь, Шмулик, друг твой неисправимый пессимист, а сны его безнадежно мрачны. Если есть ад на земле, то он в сердце меланхолика.

- Ладно, не горюй. Люди острого ума всегда погружены в меланхолию. Ничего худого не случилось. Камень-то твой любимый – на месте! Только что ты сидел на нем!

- Ошибаешься, Шмулик! – досадливо произнес Шломо, - это я другой валун прикатил, а тот, любимый мною, исчез бесследно!

Второй сон Шмулика

Верные товарищи, хасиды Шломо и Шмулик, в одну и ту же ночь видели сны. Разумеется, грезы двух друзей были различны и сообразны их непохожим натурам. Пересказав друг другу свои фантастические ночные похождения, наши герои задумали испытать на самих себе действие необычайного феномена, суть которого состоит в суверенной способности сна совершать несанкционированный переход из головы одного сновидца в голову другого. Единственное обстоятельство, с которым сон-пилигрим вынужден считаться, так это с характером своего нового зрителя.

Предложивший осуществить эксперимент Шломо руководствовался бескорыстным стремлением к открытию еще одной тайны природы. Энтузиазм Шмулика, горячо поддержавшего инициативу старшего друга, опирался на более широкую основу, а именно, к жажде приобретения нового знания добавилась честолюбивая мечта о славе.

Так или иначе, опыт был поставлен. В ближайшую же ночь друзья, согласно уговору, вновь посмотрели сны и на следующий день встретились, дабы, во-первых, передать друг другу содержание повторных видений, во-вторых, проверить справедливость утверждения о чудесной способности снов, и, наконец, в-третьих, попытаться отыскать причину таинственного эффекта.

Шломо первым изложил перипетии своего нового сна, и оба любознательных хасида убедились в бесспорном существовании необъясненного доселе явления. Разумеется, убедительным может считаться только такой результат эксперимента, когда ожидаемое исследователем событие

повторяется многократно, а в нашем случае – по крайней мере, дважды. Даже простое “да” нуждается в повторении! Поэтому, выслушав рассказ Шломо о его ночных приключениях, Шмулик поспешил огласить подробности собственного виртуального хождения за море.

- Начинай, Шмулик! – поторопил друга Шломо.

- Я приступаю, - сказал Шмулик, - и сейчас прозвучат вещи воистину небывалые, но вписывающиеся при этом в наше с тобой представление о свойстве снов.

- Я предлагаю не торопиться с выводами – их мы будем делать позднее, на основании фактического материала, удвоение которого мы оба ожидаем после твоего рассказа, - наставительно заметил Шломо.

- Согласен, - смиренно принял замечание Шмулик. Так вот, мой второй сон начался с нашей с тобой беседы здесь, на берегу Днепра. Ты рассказывал мне о процветающей Европе, о красотах тамошних столиц, о прекрасных дворцах, о чистых равно как в будни, так и в праздники городских и деревенских улицах, о доступности и скромности монархов, о науках и искусствах, об ограниченной популярности воровства и пьянства, об относительно терпимом отношении к иудеям и об отсутствии хасидов. Ты говорил торжественно и радостно, а я слушал, восхищенно разинув рот, и молчал, не решаясь остановить поток вдохновенных слов.

- Я удивлен! – перебил Шломо, - неужели я испытывал радость во сне?

- Так ведь радовался ты в моем, а не в своем сне!

- Да, да! Ты прав, продолжай!

- Свою речь ты закончил призывом: “Шмулик, поезжай на Запад хотя бы на год – вкусишь и познаешь!” Я, разумеется, немедленно согласился и, заразившись твоим энтузиазмом, принялся обдумывать план поездки. И тут случился прискорбный инцидент, омрачивший мое приподнятое настроение.

- Неслыханно! Нечто мрачное – и это в твоём сне? Я снова удивлен! – воскликнул Шломо.

- Представь себе, - заметил Шмулик, - реалии сна богаче наших ирреальных понятий о нем.

- Глубокая мысль! Именно поэтому, когда мы ищем объяснение некоему связанному со сном феномену, нам следует хорошенько помнить, что какую бы теорию мы не выстроили, она неизбежно будет суха, не в пример зеленеющему дереву жизни. Однако я заболтался, как в твоём сне. Какой такой неприятный инцидент случился?

- Вот что произошло. Только ты кончил говорить, а я начал думать, как возник перед нами раби Яков. Лицо его было искажено гневом. В руках он держал наполненную водой до середины высоты медную кружку для омовения рук. Цадик возмущенно бросил в твою сторону: “Шломо, ты сбиваешь с пути праведности душу молодого хасида. Изыди!” Ты послушно исчез, а раби Яков выплеснул воду из кружки мне в лицо. Тут подоспела Голда и увела взволнованного супруга.

- Я надеюсь, Шмулик, ты не держишь на меня обиды? Конечно, раби Яков поступил бы более последовательно, если бы выплеснул воду в лицо мне, а не тебе. Но ведь в кульминационный момент его гнева меня уже не было на месте, ибо я поспешил исполнить категорическое

требование цадика и мгновенно скрылся. Происшествие, несомненно, одиозное, но винить, я думаю, некого.

- Меж нами не может быть никаких обид, Шломо! Слушай, что было дальше. Как и в моем предыдущем сне, примчались счастливые мать, жена и дети. Мне желали доброго пути, плакали от радости за меня, подали мне баул с вещами первой необходимости, советовали не скупиться на расходы для себя и умоляли не думать ни о каких подарках. В этом сне даже детки не требовали гостинцев. Последнее обстоятельство уравнило досадное впечатление от неконвенционального поступка нашего любимого цадика.

- Как я рад за тебя, Шмулик! И куда же ты направился?

- Я решил пересечь Европу с востока на запад. Конечным пунктом моего вояжа должен был стать Лондон. Я уже от кого-то слышал, что этот город является столицей английского королевства.

- Ты это слышал от меня, когда я рассказывал тебе о своем предыдущем сне.

- Спасибо, Шломо. Как видишь, полезные знания прочно оседают в моей голове.

- Ты избрал великолепный маршрут, Шмулик. Однако Божин-то находится на Украине, поэтому путь твой в Англию, на самый край Европы, продлится долго.

- Отнюдь! Представь себе, Шломо, что, сев в карету, направляющуюся на запад, я сразу почувствовал себя европейцем. Ничего тут нет удивительного: ведь Украина – это Европа! – заявил Шмулик.

- Короче, уже к вечеру я разгуливал по улицам Лондона, - продолжил рассказчик, - и довольно скоро меня остановил приличного вида господин в высокой шляпе и посетовал, что, не далее как вчера, его гостиницу покинул некий хасид, который спешно уехал, не успев, к сожалению, расплатиться за постой. Поскольку англичанин говорил со мной хоть и на ломаном, но на нашем языке, я понял, о ком идет речь: видно, ты его выучил. Я немедленно погасил твой долг, а за себя внес плату вперед.

- Ах, какой позор на мою голову – уехал не расплатившись! Словно обокрал человека! Спасибо тебе, Шмулик, я верну тебе долг к ближайшему же празднику.

- Не сомневаюсь в твоей обязательности. Несколько дней я посвятил усвоению чудес большого города. Язык тамошних аборигенов оказался удивительно простым. Благодаря своей исключительной памяти, я постиг английскую речь всего за одно утро и быстро стал понимать необыкновенно вежливых английских извозчиков, мусорщиков и рыночных торговцев. Я хорошо запомнил наиболее часто употребляемые ими слова, которыми отвечал на замечания спесивых богатых людей во фраках. Мне не составило большого труда научиться читать вывески слева направо, и, благодаря своей смекалке, я очень скоро отыскал иудейскую харчевню, где подавали кошерную пищу.

- А довелось ли тебе, Шмулик познакомиться во сне с людьми, составляющими гордость английской нации? – спросил Шломо.

- Разумеется! Однажды сырым и не располагающим к прогулкам лондонским утром, когда я не собирался показывать нос на улицу, к гостинице торжественно подъехала исключительно богатая карета. Предварительно постучавши, в мою комнату на цыпочках вошел хозяин заведения. Он сообщил, что ко мне с визитом прибыла правящая королевская чета, и робко

спросил, согласен ли я принять державных гостей? Я не имел ничего против, и через минуту-другую на пороге показались разодетые в пух и прах мужчина и женщина с золотыми коронами на головах.

- По-доброму завидую тебе, Шмулик. Какой блеск фантазии! Созерцаемые тобою сны создают иллюзию блаженства, пусть кратковременную. Только счастливые окончания хасидских сказок могут соперничать с жизненностью твоих видений!

- Погоди, Шломо. Сейчас убедишься, что чем дальше в лес, тем больше ягод. Только поклонился я коронованным особам, как они оба упали на колени, и давай умалять меня немедленно ехать с ними на пир, который задают, по твоему выражению, люди, составляющие гордость английской нации. Ты спросишь, кем гордятся островитяне? Отвечу: это знакомая тебе по первому твоему сну знаменитая сочинительница предосудительных романов и ее супруг, почти столь же знаменитый сочинитель. Я ответил согласием на просьбу короля и королевы. Втроем мы уселись в карету и поехали на пир.

- События наших снов – моего первого и твоего второго – весьма похожи, - заметил Шломо, - но сколь решительно разнятся поступки и мотивация героев! Фундаментальность отличий проистекает из абсолютного несходства наших характеров. Налицо очевидное проявление исследуемого нами феномена, не так ли, Шмулик?

- Безусловно! Однако слушай, друг, чему я стал свидетелем далее. Меня, как почетного гостя, усадили рядом с хозяевами во главе стола. Король и королева заняли места поскромнее. На белой скатерти теснились хорошо знакомые мне блюда, к которым я привык в Божине: фаршированная рыба с соусом, куриный бульон, крутые яйца, вареная морковь, то бишь цимес, ароматный чулент, белые плетеные халы, компот из сухих фруктов. С великолепием яств чудно гармонировала бутылка желтой водки, называемой в тех краях виски. В трапезный зал вошел главный раввин английской столицы. Он обнял меня, пожал руку, а потом заверил в абсолютной кошерности всех угощений. Раздались аплодисменты присутствующих.

- Ах, Шмулик, ну почему, почему мне не снятся такие прекрасные вещи? В другой раз возьми меня в свой сон, дружище!

- У меня есть для тебя прекрасная новость, Шломо! Я взял тебя в мой сон! Когда я доедал свою порцию фаршированной рыбы и вымакивал куском халы последние сгустки соуса на тарелке, я заметил, что ты тоже сидишь за столом и с аппетитом уплетаешь что-то. Потом ты подошел ко мне и незаметно шепнул на ухо, что, мол, на обратном пути в Божин желательно проехать через Антверпен и купить кружевные наряды для женщин. Сказавши это, ты исчез из моего сна, но, как я уже говорил, полезные знания прочно оседают в моей голове. Забегая вперед, замечу, что, возвращаясь домой, я воспользовался твоим советом и посетил столицу европейских кружев.

- Включив меня в свой радужный сон, ты поступил как настоящий друг! А не помнишь ли ты, дорогой Шмулик, что именно я ел за пиршественным столом?

- К сожалению, этого я не заметил, но зато я обратил внимание, что на твоём лице было выражение блаженства, какое бывает у тебя, когда ты высасываешь мозг из рыбной головы, сидя в гостях у раби Якова.

- Прими мою самую горячую благодарность, мой любимый друг! Сегодня же я верну тебе должок!

- Не отвлекайся и слушай дальше. Когда желудки пирующих наполовину наполнились, а бутылка виски наполовину опустошилась, великая писательница представила мне мужчину

огромного роста. То был персонаж ее всемирно известного романа. Первоначально она создала книжного героя в своем воображении, а затем вдохнула в него жизнь. Сей искусственный человек предназначался для творения благих деяний. Он учтиво поклонился мне, с похвалой отозвался о кошерной пище, о хасидских традициях и обо всей иудейской вере в целом. Тут вновь раздались аплодисменты. Я пригласил его посетить Божин с ответным визитом. Гигант был польщен, но сказал, что, к сожалению, в ближайшее время не сможет покинуть Англию, ибо у него много начатых и незавершенных добрых дел на родине.

- Я вновь наблюдаю одновременное сходство и различие сюжетов наших снов! – справедливо отметил Шломо, - мне кажется, события продвигаются в сторону твоего пробуждения.

- Совершенно верно. На прощание добряк-великан пообещал мне, что постарается внедрить в головы соотечественников хасидскую науку праведности. Я, разумеется, пожелал ему успеха в благородном начинании.

- А я не усматриваю ничего хорошего в затее твоего великорослого английского друга, - задумчиво произнес Шломо, - ведь если многочисленное население острова примет на себя следование выпестованным нами устоям, то мы, божинские хасиды, утратим нашу уникальность. Хуже того, широкий поток непрошенных прозелитов ликвидирует важнейшее условие богоизбранности иудейского племени – его малочисленность!

- Не следует беспокоиться, Шломо. Фанатичные приверженцы легковесных традиций, островитяне не прельстятся высокой строгостью наших правил. В Англии нет иных забав, кроме греха и полуязыческой веры. Уверен, доброго гиганта ожидает разочарование.

- Будем надеяться. Всегда так бывало, и, дай Бог, дальше – не хуже!

- Итак, пора заканчивать. Сон мой близился к концу. Я прибыл в Божин. Плачущим от счастья матери и жене я преподнес прекрасные кружева. Голде я вручил искусно плетеные занавески на окна. Деткам тоже привез кой-какие подарки. Девочки получили говорящих кукол. Мальчикам достались игрушечные мушкетеры.

- Это – конец твоей ночной истории? – спросил Шломо.

- Не совсем. В последнем эпизоде сна я вновь встретился с тобой. Ты бросился мне навстречу и без всякой видимой причины закричал: “Добро пожаловать, Шмулик! Все прибрежные валуны на своих местах!” И тут я проснулся.

- Сердечно благодарю тебя, Шмулик: ты в третий раз нашел для меня место в своем видении. Это приятно. Причина моего финального восклицания о сохранности прибрежных валунов достаточно очевидна – твой сон завершился переключкой с моим сном. И это еще одно проявление реальности изучаемого нами феномена.

На этом друзья Шломо и Шмулик закончили обмениваться рассказами о снах, а, по существу, завершился обмен самими снами.

Хасиды в задумчивости прогуливались по берегу Днепра, по привычке держась под руку – так удобнее делиться мыслями.

Эмпирический материал был собран, и настало время его теоретического осмысления. Наши герои отметили важное свойство событий – повторяемость. Теперь их пытливые умы занялись поиском причин. Пожелаем удачи лучшим ученикам божинского цадика раби Якова.